

Юрий

Поминов

«А БАТЕ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ...»

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Не компьютерный я человек. И поэтому не сразу обратил внимание на электронное письмо старшего сына Данила из Москвы: «Пап, привет! Нашёл награды деда, Дмитрия Петровича, с выпиской из наградных листов – обалдеть! Смотри...». И четыре ссылки из общедоступного электронного банка документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» архива Министерства обороны России. Я стал открывать ссылки, и у меня руки затряслись, я не верил глазам. Это были действительно рукописные копии наградных листов моего отца Дмитрия Петровича Поминова...

Он умер 8 февраля 1984 года, немного не дожив до 62 лет. Эта смерть была неожиданной для всех нас, его близких – в свои годы отец совсем не походил на старика, оставался физически крепким и полным сил. Врачи потом назовут причину – острая сердечная и лёгочная недостаточность.

Боль утраты со временем притупилась, но осталось и до сих пор живёт во мне чувство, что мы с ним не договорили. Может быть, именно это чувство подвигло меня написать записки об отце. Писались они, главным образом, для чтения в кругу нашей семьи, но главный редактор республиканского литературного и общественно-политического журнала «Нива» Владимир Романович Гундарев счёл нужным опубликовать их... Записки об отце также вошли в мою книгу «Живу», изданную больше 15 лет назад. Я считал, что эта тема (во всяком случае, в моих журналистских и литературных делах) исчерпана. И вот столь неожиданный «привет» из фронтовой биографии отца, за который я, скорее, критически относящийся к всемогуществу компьютера, готов в ножки поклониться и ему, и особенно тем людям, которые дали возможность не тысячам даже, а миллионам людей прикоснуться к истории своих близких, спасших мир от чумы фашизма...

Эти рукописные строки, которым уже почти семьдесят лет, дороги мне ещё и потому, что фронтовая часть жизни отца так и осталась для меня в значительной степени неизвестной. Что-то он, конечно, рассказывал, но всё это были лишь эпизоды, фрагменты, частности... Никакой целостной ясной картины о двух с половиной годах его жизни (отец был на фронте с декабря 1942-го до Победы, а демобилизовался и вовсе в конце 1946 года) у меня не сложилось. Письменных

воспоминаний он тоже не оставил, хотя, кажется, в конце войны делал какие-то, к сожалению, не сохранившиеся записи. И я не успел его подробно расспросить – думал, успею ещё...

После смерти отца на семейном совете решили, что его боевые награды и фронтовая реликвия – цейсовский артиллерийский бинокль с облупившимися боками и одним дефектным окуляром (на нём резьба сорвана), зато другой в полном порядке, а также сохранившиеся документы останутся у меня... Были ещё наградной пистолет со всеми удостоверяющими бумагами и финка с наборной ручкой. Пистолет вскоре после возвращения домой отец сдал в военкомат – от греха подальше, у него стали проявляться последствия контузии... А финка, с которой отец не раз ходил в тыл к немцам и которую я хорошо помню, где-то затерялась. Отец позволял её брать нам со старшим братом, и мы её где-то «заиграли». Не исключено, впрочем, что финку «увёл» кто-то из наших приятелей...

Все боевые награды отца целы. Раньше мы с моими сыновьями всегда доставали их в День Победы, я что-то о них рассказывал, но никогда не мог внятно объяснить детям, за что их дед получил две медали и два ордена... И вот читаю сам, сохраняя стилистику оригиналов...

НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ

«Поминов Дмитрий Петрович, ефрейтор, автоматчик первой роты отдельного батальона автоматчиков 23 Отдельной стрелковой бригады, представляется к Правительственной награде Медалью «За отвагу». Год рождения 1922, национальность русский, член ВКП (б) с 1943 г., № п/б 52111978, на Калининском фронте с 15.01.43 года, ранений не имеет, в Красной Армии с 25.11.41 г., призван Купинским РВК (райвоенкоматом. – Ю. П.) Новосибирской области. Наград не имеет».

Далее – «Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг»: «Тов. Поминов Дмитрий Петрович во время атаки взводного опорного пункта противника по захвату контрольного пленного 29.10.43 г. проявил мужество и отвагу.

Тов. Поминов несмотря на сильный артиллерийский и миномётный обстрел Смело и Решительно (оба слова написаны с прописных букв. – Ю. П.), увлекая за собой остальных бойцов, ворвался в траншею противника, поддерживая своим огнём из Пистолета Пулемёта (оба слова – с прописных букв, речь об автомате ППШ. – Ю. П.) продвижение своего отделения.

Тов. Поминов в траншеях вёл огонь по отходящему противнику, дал возможность захватгруппе выполнить задачу захватить контрольного пленного.

1 ноября 1943 г.

Командир отдельного батальона автоматчиков...»

Фамилия не очень разборчива, похоже на «Кулешов». Подпись удостоверена печатью.

* * *

Следующий наградной лист... Те же «установочные данные», но уже с указанием первой награды от 1.11.1943 г. (оперативно работали штабисты! – Ю. П.) – медали «За отвагу». У отца уже другая фронтовая специальность – сапёр-разведчик отдельной сапёрной роты 23 ОСБР (вероятно, отдельный сапёрный батальон разведки) Поминов представлен к медали «За боевые заслуги»:

«Ефрейтор Поминов Дмитрий Петрович под сильным огнём противника в момент атаки проделал (прорезал) проход в проволочном заграждении противника, чем обеспечил роту автоматчиков проходом...»

Представление, датированное 17 января 1944 года, подписал капитан Крисанов.

* * *

В очередном представлении указаны уже две награды. В первом случае бой от медали «За отвагу» разделяли три дня, во втором дата боя не указана, а только дата представления к награде. Медалью «За боевые заслуги» отец награждён 19 января 1944 года, через день после того, как был к ней представлен.

* * *

В третьем наградном листе говорится:

«Ефрейтор Поминов 4.02.1944 в районе д. Маноково проделал под огнём противника в минных полях проходы, разминировал 4 дороги и установил указатели, чем дал возможность продвижению наступающих частей.

Представляется к правительственной награде – ордену «Красная звезда».

Командир отдельной сапёрной роты ст. лейтенант Шальнов (или Шалинов. – Ю. П.)».

Приказ о награждении подписан 10 февраля 1944 года.

* * *

Четвёртое представление подписывает 17 декабря 1944 года командир 254-го отдельного сапёрного батальона майор Гальперин.

«В ночь с 3 на 4.12.1944 года в районе местечка Сударги, обеспечивая действия разведгруппы по захвату контрольного пленного, действуя смело и решительно, несмотря на ружейно-пулемётный огонь противника, сделал проход в минном поле немцев, сняв 18 противопехотных мин. Подполз к немецкой проволоке, тщательно её разведкал и подложил под её (так в оригинале. – Ю. П.) заряд тола.

Днём 4.12.1944 года, когда должна была действовать разведгруппа, скрытно выдвинулся к проволоке немцев и по сигналу, в нужный момент взорвал проволочное заграждение. В сделанный проход в минном поле и проволочном заграждении пропустил разведгруппу и пробыл здесь до тех пор, пока она не вернулась обратно.

В ночь с 8 на 9.12.1944 в районе г. Лугтосаллен, обеспечивая ночной поиск разведгруппы, быстро и бесшумно сделал проход в своём минном поле и проволочном заграждении, дав свободный и беспрепятственный выход разведгруппе к реке Неман.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество представляется к награждению орденом Славы 3-й степени».

Приказ о награждении ефрейтора, сапёра 254-го отдельного сапёрного батальона от имени Президиума Верховного Совета СССР подписали 23 декабря 1944 года (через неделю после представления) командир 325-й стрелковой дивизии генерал-майор Сухоробров и начальник отдела кадров майор Литвинов. В приказе этим орденом награждены семь человек – пять разведчиков и два сапёра

(второй – сержант того же батальона Александр Егорович Малахов). Может быть, это был напарник отца, теперь уже не узнать... Я точно помню из рассказов отца, что зимой сапёры, делая проходы в минных полях, обычно работали на пару, поочерёдно, причём без рукавиц или перчаток. Когда у одного руки замерзали и теряли чувствительность, он отогревал их за пазухой, а в дело вступал другой... И так – до завершения работы... (Отец, кстати, и дома в наши суровые зимы почти не признавал рукавиц и шарфов, никогда не опускал «уши» у шапок, хотя случалось, и подмораживал собственные уши. Воду даже зимой предпочитал ледяную, из ковша, добавляя в неё снега...).

* * *

За два последних года войны отец заслужил четыре главные солдатские награды, что лучше всего характеризует его как солдата и воина. Потом к ним добавятся ещё медали «За взятие Кенигсберга» (полное название – «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга» (Указ Президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 года) и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») – по Указу от 9 мая 1945 года. Любопытная деталь: вторая медаль будет отцу вручена 25 января 1946 года, когда он ещё будет находиться в частях Красной Армии, на территории Польши. А медаль «За взятие Кенигсберга» найдёт его спустя почти два года, уже дома, и будет вручена в Купинском райвоенкомате 19 марта 1947 года. Был у отца ещё гвардейский знак, но подробности награждения им мне неизвестны. Нет и наградных листов на две последние медали – возможно, процедура награждения ими была уже иной...

Так к хранимым мной боевым наградам и другим документам отца добавились наградные листы – ценнейшая реликвия его фронтовой жизни. Скорее всего, сам отец никогда этих представлений не видел, хотя, возможно, ему о них и говорили. В своих рассказах о войне отец никогда напрямую не связывал свои награды с теми или иными эпизодами войны. Мне помнятся больше всего три его рассказа. Один – трагикомичный – о том, как он спас генерала, вышедшего ночью из блиндажа по малой нужде и ненароком зашедшего на минное поле... Случайно оказавшийся поблизости отец увидел его, остановил и вывел за собой – шаг в шаг – обратно...

Два других эпизода – трагические... Разведчики, возвращаясь с задания, несли с собой товарища, раненного разрывом мины в пах... Он истекал кровью, испытывал невероятную боль и просил их излечить его от мучений – пристрелить или дать возможность застрелиться самому... Но они продолжали нести его, под минным обстрелом, падая вместе с ним на землю, чтобы спастись от близких разрывов... И осколки опять доставались ему – попадали то в ногу, то в руку, он весь был изранен... А они продолжали нести его, пока судьба, будто смилостивившись над ним, не послала солдату смерть – минный осколок угодил ему в голову... При этом никто из разведчиков, нёсших его, за всё это время даже не был ранен...

А как-то зимой разведчиков посылали по ночам на нейтральную полосу – за документами убитых наших солдат, оставшихся на ней после жестокого боя. Отец и его товарищи обшаривали задубевшие на морозе трупы, вспарывали нагрудные карманы, доставали бумаги, подчас пропитанные загустевшей кровью... А когда возвращались, уже под утро, водки получали – не фронтовые сто граммов, а вдоволь...

После будет подсчитано: мужчин 1922–1925 годов рождения на той войне было убито 97 из каждых ста. Отец оказался в числе трёх процентов уцелевших счастливых – не был даже ранен, лишь контужен... Может быть, таким образом само провидение «рассчитывалось» с бабушкой, его матерью, схоронившей к тому времени уже десять из четырнадцати рождённых ею детей...

Я не спрашивал у отца – было ли ему страшно на войне. Ответ на этот вопрос очевиден: конечно, было, но в том и состоит мужество солдата, чтобы свой страх преодолеть. Но я спрашивал – чего он боялся больше всего на войне. И он отвечал – попасть в плен... И войну вспоминал – как работу – тяжёлую, опасную, порой грязную, уйти от которой было нельзя...

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

Готовя эти заметки, полез в свои архивы, нашёл две папки с отцовскими документами и старыми фотографиями.

Сохранилась повестка призывнику Поминову Дм. П. со штампом райвоенкомиссариата:

«Предлагаю явиться в Купинский райвоенкомат к 7-ми часам утра 25 августа 1941 г. для отправки Вас в кадры Красной Армии.

При себе иметь: 2 пары чистого белья, 2 полотенца, 2 носовых платка, кружку, ложку и вещевой мешок для хранения собственных вещей.

На себе иметь: брюки и рубашку, куртку или пальто, головной убор и в кожаной обуви.

За неявку и опоздание будете привлечены к уголовной ответственности.

Купинский райвоенком, старший политрук Лисица».

Сорок с лишним лет спустя, в феврале 1984 года, отец напишет письмо в редакцию Павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья», которое будет зарегистрировано 8 февраля, в день его смерти; а отдадут мне письмо через несколько дней, когда я вернусь с похорон...

Вот что писал отец: *«Я не попал на фронт, хотя, как и все, горел желанием – только на фронт. Нас немногих сочли нужным направить на Тихоокеанский флот (насколько я знаю, служил отец в морской пехоте, осталась с той поры голубоватая, едва заметная татуировка на тыльной стороне ладони, рядом с большим пальцем – якорь со звездой. – Ю. П.). И всё-таки сбылась моя мечта, в 1942 году нас через всю страну, через Москву, бросили в бой – штурмовать город Великие Луки. Там же меня 23 февраля 1943 года приняли в члены партии...»*

Прерву письмо, чтобы рассказать одно семейное предание. Отец написал своей матери, моей бабушке, с которой у нас всегда были особые отношения, что они по пути с Востока на Запад будут проезжать узловую станцию Татарская (это несколько десятков километров от их деревни Чубаровка). Непонятно, правда, как цензура могла пропустить подобное сообщение... Но в данном случае это неважно... Суть в том, что бабушка больше недели дневала и ночевала на Та-

тарской, встречая и провожая воинские эшелоны. Но увидеться им тогда было не суждено...

Вернусь к отцовскому письму:

«Затем нашу 23 стрелковую бригаду и 54 стрелковую бригаду соединили в 325 стрелковую дивизию. А в этой 54 стрелковой бригаде и воевала Алия Молдагулова, посмертно удостоенная звания Героя Советского Союза. Мне уже трижды пришлось побывать в деревне Казачиха, где она героически погибла, и на её могиле. Это станция Насва, где сооружён обелиск Братской могилы.

Я уже семь раз встречался со своими однополчанами.

Вот о таких, кого пощадила война, написал мой сын Александр Поминов. Называется «Отец».

Мой адрес: совхоз «Михайловский», Железинский район. Поминов Дмитрий Петрович».

И дальше – переписанное рукой отца стихотворение, которое было напечатано в многотиражной газете «Коммунист» Хабаровской высшей партийной школы 28 февраля 1978 года. (Брат учился в этой школе и закончил её.)

Когда мне принесли письмо, я посчитал неудобным публикацию и его, и стиха, раз я работаю в этой газете... Кому-то это может показаться глупостью, но я действительно так считал. И теперь, спустя почти тридцать лет, я всё же выполняю (так уж вышло) волю отца... Вот это стихотворение:

А. ПОМИНОВ

ОТЕЦ

А бате было восемнадцать,
Когда он уходил на фронт.
И чистым мир ему казался,
Как синеглазый горизонт.

И ненавидел он фашистов.
Своею искренней душой.
Вчера сынишка активиста,
А завтра в роте строевой.

Ещё недавно за заплаты
На рваных стареньких штанах
Над кулачатами расплату
Вершил он, нагоняя страх.

И вот он, на вагонной полке,
И смотрит в пыльное окно,
Ещё догадываясь только,
Что ему сделать суждено.

Он стал разведчиком, сапёром...
И смерти в серое лицо

Смотрел спокойно твёрдым взором...
Да, я горжусь своим отцом.

Он бил врагов под Ленинградом.
Он гнал фашистов от Москвы.
Шептали губы: «Врёте, гады!
За всё заплатите нам вы!».
Он пол-Европы по-пластунски
Исползал вдоль и поперёк.
Любил он родину по-русски –
Простой сибирский паренёк.

Теперь седой, большой и грузный,
Он трудится на целине.
Как прежде, верно служит людям
И редко пишет письма мне.

Но в день, когда наступит праздник,
Наденет батя ордена,
В совхозном клубе речь он скажет
И вспомнит: «Да, была война»...

Он выпьет стопку водки горькой,
Расправит плечи, как боец...
А сколько их в России? Сколько?
Таких мужчин, как мой отец...

* * *

Сохранилось несколько фронтовых фотографий отца. На одной он, совсем ещё молодой и, похоже, необстрелянный в центре таких же юнцов – в длинной серой солдатской шинели, перепоясанный ремнём, в сапогах и шапке, молодецкато сдвинутой набекрень. На другой он уже на фронте, с однополчанами, летом, в пилотке, сидит на земле с газетой в руках. Не исключено, что это постановочный снимок: в перерывах между боями коммунист, командир отделения проводит политинформацию...

Есть ещё одна отличная фотография, где отец в гимнастёрке и фуражке, которая ему по званию, наверное, не полагалась, с товарищем. У обоих на груди – полный «иконостас», набор боевых наград: у отца – две медали и два ордена, у товарища – то же самое, только вместо ордена Красной Звезды – второй орден Славы. Сохранилась и надпись на снимке: *«На долгую добрую память родным от сына Мити и моего боевого товарища Саши. Фотографировались в городе Гдыня 1 июля 1945 года. Берегите и помните. 4 июля 1945 г.»*

Отец на этой фотографии (что по всему чувствуется) уже не юнец, а победитель, хотя ему всего 23 с небольшим года. Его товарищ, фамилии которого, к сожалению, нет, выглядит постарше. И выражения лиц у обоих, как у людей, сделавших, наконец, очень важное в их жизни дело... И как же порой непросто будет потом складываться у победителей жизнь! У отца, например... Но об этом чуть позже...

* * *

Следующий документ – красноармейская книжка, которая тоже может рассказать о многом. Выписана она на уже «выросшего» по службе от ефрейтора до младшего сержанта Д. П. Поминова 6 февраля 1946 года. Война давно закончилась, а они продолжали служить... Отец, насколько помню, в Польше, старшиной подсобного хозяйства. Но и там было беспокойно, постреливали и, случалось, убивали наших солдат. Отец говорил, что и в ту пору никогда и никуда не ходил без пистолета. С ним и спал.

На первой странице красноармейской книжки запись: *«Демобилизован на основании Указа Президиума Верховного Совета 22 октября 1946 года»*. На второй странице, сверху, напоминание: *«Красноармейскую книжку всегда иметь при себе. Не имеющих книжки задерживать»*.

Дальше – данные о владельце, прохождении им службы – участии в боевых походах, награждениях и отличиях и, наконец, о вещевом имуществе обладателя книжки: *«шапка – одна, пилотки – 2, шинель – 1, гимнастёрка х/б – 1, шаровары х/б – 1, рубаха нательная – 1, рубаха тёплая нижняя – 1, кальсоны – 2, полотенце – 1, портянки летние – 2, портянки зимние – 2 (помню, как мастерски умел их заворачивать отец, и меня учил, но так и не научил. – Ю. П.), перчатки тёплые – 1, сапоги – 1, наволочка подушечная нижняя – 1, наволочка подушечная верхняя – 1, простыня – 1, одеяло – 1, ремень поясной – 1, ремень брючный – 1, ремень для скатки шинели – 1, ранец (вещмешок) – 1, котелок – 1»*.

Оружие и спецсредства: ПППШ (пистолет-пулемёт) № 8131-1, противогаз – 1, карабин № 911 – 1.

Сделана также от руки запись о прививке от оспы – 4.3.1946 г.

Немного же имущества числилось за младшим сержантом Поминовым Д. П.

* * *

Орденская книжка – с гербом и надписью «Союз Советских Социалистических Республик». В ней перечислены уже названные фронтовые награды отца с указанием номера каждой, под ними – факсимильная подпись Секретаря Президиума Верховного Совета А. Горкина, а также запись о том, что «обладатель книжки, начиная с декабря 1943 года (даты вручения первой медали), имеет право на получение орденских денежных выдач и на другие льготы и преимущества, согласно положению об орденах Союза ССР». То есть было время, когда за боевые медали и ордена платили деньги. Небольшие, конечно, но и они были нелишними для обладателей наград и их близких.

Полагались ещё бесплатный проезд по стране раз в год на поезде, льготы по налогообложению и на оплату жилья... Потом выплаты за медали и ордена были отменены.

* * *

Военный билет, где впервые указано, что с мая 1944 года отец был командиром отделения... Справка, подписанная командиром воинской части – полевая почта № 19702 майором Иняшкиным и заверенная печатью: «Выдана мл. сержанту Поминову Д. П. в том, что командование части разрешает ему выслать посылку на родину весом 5 кг»...

Кажется, это была единственная посылка, отправленная отцом родным с освобождённой от врага территории и, помню, бабушка даже много лет спустя выговаривала ему за неумение вовремя подсутиться...

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Судя по уже приведённым документам, домой отец вернулся в конце 1946 года. О его дальнейшей судьбе я могу судить по довольно скудным его рассказам и более подробным воспоминаниям матери, на которой он женился в 1948 году. Есть некоторые данные и в его трудовой книжке, но далеко не все...

Мирная жизнь воина-победителя довольно долгое время явно не складывалась. Какое-то время работал председателем колхоза в своей родной Чубаровке (официально – Михайловке), что примерно в десяти километрах от Купино. Но почти сразу стали проявляться последствия фронтовой контузии – нервные срывы, головные боли... А когда односельчане однажды в рабочее время застали его спящим за председательским столом, вызвали врача... Отца отправили на курорт, здоровье его улучшилось, но работа, связанная с умственными и нервными нагрузками, ему была противопоказана и предписан лёгкий труд...

Что ему могли предложить в обескровленной войной деревне? И отец, фронтовик, орденосец, стал водовозом – возил то на лошади, то на быках по бригадам воду из деревенского колодца в деревянной бочке... Пока кто-то не надоумил его поступить на курсы электриков в Колыванскую школу механизации, что неподалёку от Новосибирска. Пока он там учился, умерла их с матерью первая дочь, Люба, от скарлатины, а отцу, как раз сдававшему экзамены, даже не сообщили... И о смерти дочери он узнал, лишь вернувшись домой...

Получив профессию электромеханика, отец стал работать по специальности, но нигде долго не задерживался: машинно-тракторная станция, овцесовхоз «Купинский», несколько геологоразведочных партий в Омской области...

Уже родились старший брат Александр, я (оба в «Купинском»), сестра – в деревне Окунёвка Омской области. Десять лет назад закончилась война, а у них с матерью всё ещё не было собственного угла – чужие снимали...

Без преувеличения судьбоносным для них стало решение поехать во вновь создаваемый целинный совхоз «Михайловский» Железинского района Павлодарской области. Отцу даже вручили комсомольскую путёвку, хотя было ему 33 года.

На место будущего совхоза отец приехал с первым отрядом целинников санно-тракторным поездом из Купино, и 22 марта 1955 года был принят на работу электромехаником. То есть этот совхоз он с другими первоцелинниками создавал с первого колышка.

Несколько месяцев спустя приехала мать с нами. Жили сначала в палатке, а когда её забрали для более насущных производственных нужд, в шалаше. К осени соорудили землянку-пластанку, в которой, кстати, зимовала ещё и семья целинников Агеевых, друзей отца с матерью... А к следующей осени уже поставили дом – пока без полов и отделки, но зимовали уже в нём...

То была, наверное, лучшая пора в жизни отца – большое, настоящее дело, возможность проявить себя... Работа для него всегда была на первом месте... И куда его только «на прорыв» не бросали: был заместителем директора; заведующим током, избирали председателем рабочего комитета (на собрании предлагалась другая кандидатура, но целинники взбунтовались и выдвинули его, не рвавшегося на эту должность, но принявшего выбор земляков), инженер-электрик (с его-то семилетним образованием, а в вечернюю среднюю школу пошёл, но не закончил), бригадир животноводства, инженер по технике безопасности...

Не всё и не всегда складывалось у него на этих столь разных должностях гладко... Не всегда ладил с начальством, резал в глаза правду-матку... Не умел или не хотел приспособливаться к обстоятельствам. Порой и сам был виноват – сильно вредил ему в жизни традиционный русский недуг... Но люди его уважали – за прямоту, обострённое чувство справедливости и бескорыстие (никогда и ничего не прилипало у него к рукам, когда был на руководящих должностях), за всегдашнюю готовность помочь ближнему, даже в ущерб собственной родне. Общественное для него всегда было выше личного – такой он был человек.

Может, он и не нашёл главного предназначения своей жизни (сменил много мест работы и профессий), но жил всегда открыто, честно, был весь на виду...

Очень гордился нашими успехами – мной, когда я поступил в университет и закончил его; старшим братом, закончившим Хабаровскую высшую партийную школу, поэтом, посвятившим ему стих; сестрой Наташей, продвигавшейся по службе; младшим братом Петром, закончившим университет и готовившимся поступать в аспирантуру.

Ему бы ещё жить и жить, но в феврале 1984 его не стало...

Он умер, а домой ещё долго приходили письма и открытки от однополчан. Сестра Наташа им сообщала о печальном известии...

ВСТРЕЧИ С ОДНОПОЛЧАНАМИ

На встречи с однополчанами отец стал ездить в начале семидесятых годов прошлого века. Я, к сожалению, немного знаю об этой стороне его жизни, потому что учился в эти годы в университете и дома бывал лишь наездами. Для

отца же, это я точно знаю, поездки на встречи с однополчанами были едва ли не главными событиями последних десяти лет его жизни. Москва, Великие Луки, Новосокольники, Прибалтика...

Остались фотографии с тех встреч, список ветеранов 254-го отдельного сапёрного батальона с их адресами... В этом списке – Россия от Калининграда до Дальнего Востока, Украина, Белоруссия, Казахстан... Вот лишь некоторые имена: Фёдор Васильевич Антонов – Калининская область, Пётр Алексеевич Воротников – Свердловск, Василий Николаевич Коробко – Саратовская область, Константин Иванович Новиков – Могилёвская область Белоруссии, Анатолий Иванович Ромашкин – Харьков, Алексей Иванович Постыка – Приморский край, Алексей Иванович Сеница – Смоленск, Алексей Пантелеевич Родионов – посёлок Белоусовка Восточно-Казахстанской области... Около сорока человек в этом списке – вместе с отцом... Разве могли они представить тогда, в семидесятых-середине восьмидесятых, что страны, за которую они сражались, не щадя себя, не будет на карте?

Как жаль, что я ничего не знаю об этих людях – не успел вовремя расспросить о них отца... Ничего, оказывается, нельзя оставлять на потом – всё надо делать вовремя...

Есть в списке одна знакомая мне фамилия – Григорий Давидович Гальперин. Это бывший командир 254-го отдельного сапёрного батальона, подписавший представление к награждению отца орденом Славы третьей степени. А в семидесятых, когда отец ездил на встречи с однополчанами, Г. Д. Гальперин, взявший на себя хлопоты по поиску и оповещению своих бывших сослуживцев, жил в

Одессе и преподавал в одном из тамошних вузов. Отец однажды посетовал, что у Гальперина нет даже бумаги на переписку и составление разного рода документов. Я взял у него адрес и послал из Алма-Аты в Одессу посылку с десятью килограммами резанной газетной бумаги. Не скрою, что «злоупотребил» при этом служебным положением – учился и работал на полставки в университет-

ской многотиражке, поэтому чего-чего, а газетной бумаги у нас хватало... Отправил и тут же забыл... А вскоре получил открытку от Григория Давидовича из Одессы с благодарностью. Написал он и отцу, который был очень доволен моим поступком, которому я тогда не придавал никакого значения. Теперь же и мне приятно о нём вспомнить. Кто знает, может, именно на присланной мною когда-то бумаге напечатан лежащий сейчас передо мной список ветеранов Гальперинского батальона...

Очень тепло всегда принимали отца и его однополчан в школе № 891 Перовского района Москвы, где есть музей Героя Советского Союза Алии Молдагуловой, с которой они воевали в одной дивизии. Тогда же отец познакомился с известным казахстанским журналистом Сеилханом Аскарковым, участвовавшим в одной из их встреч. А я заочно знал С. Аскарова ещё раньше – по публикации в журнале

«Журналист», рассказывающей о том, как он в Москве, преодолевая разного рода трудности и препятствия, добывал бесценные сведения о погибшем на фронте молодом казахстанце-журналисте Баубеке Булкишеве. Потом написал очерк о нём, за который получил премию Союза журналистов СССР – главную награду нашего творческого союза.

Отец буквально горел желанием познакомить меня с Сеилханом Аскарковым, дал мне его телефон в Алма-Ате, говорил, что он будет рад мне... Я, тогда ещё студент, один раз позвонил, его не оказалось дома, и перезванивать я не стал... А через несколько лет после окончания университета уже сам стал лауреатом премии имени Баубека Булкишева, присуждаемой Союзом журналистов Казахстана раз в год молодым журналистам... Бывают странные сближения – сказал кто-то из великих. Как будто про этот самый случай... Жаль, что наши пути с Сеилханом Аскарковым так и не пересеклись...

А вот групповой снимок ветеранов Великой Отечественной войны (где есть и отец), сделанный в 1976 году в городе Виляим, тогда ещё Латвийской ССР... И подробно-сти ещё одной встречи, оставшиеся на страницах выходившей в городе Даугавпилсе газете «Красное знамя» (номер за 27 июля 1982 года): *«В наш город прибыли ветераны бывшей 325-й стрелковой дивизии, которой было присвоено звание Двинской.*

В середине июня 1944 года 325-я стрелковая дивизия, совершая марш-бросок в полтораста километров, сходу взяла город Освею и вышла на границу с Латвией. А через два дня, 18 июля, воины дивизии вступили на латвийскую землю, и остановить их гитлеровские оккупанты были уже не в силах...

За успешное осуществление Двинско-Режицкой операции 325-й дивизии приказом Верховного Главнокомандующего было присвоено наименование Двинской.

Дивизия участвовала в боях за освобождение Шауляя, Таураге, вышла на реку Неман, брала Тилзит и 17 апреля 1945 года была у стен Паллау. Многие воины за эти бои были удостоены высоких правительственных наград (и отец был в их числе. – Ю. П.), а дивизия стала Краснознамённой. Ордена сверкали на груди ветеранов, прибывших позавчера в наш город на празднование 39-й годовщины со дня его освобождения...».

Да, тогда их встречали с почётом, как освободителей, как героев... А спустя несколько лет, когда не станет страны, которую они спасли от порабощения, кое-кто в той самой Латвии, а также в Эстонии и Литве будет именовать их едва ли не оккупантами... Лет десять назад мне доведётся стоять

в столице Эстонии Таллинне, в День Победы, у памятника воину-освободителю, которого там называли Бронзовым солдатом. День Победы уже не был праздничным днём в Эстонии, а люди сюда всё шли и шли, и подножие памятника утопало в цветах. Людям дорого было это место, которому они могли поклониться, воздав должное всем тем, кто сложил головы за освобождение этой земли. А местные власти, спустя какое-то время решили, что памятник мешает движению обще-

ственного транспорта, что было неправдой, и перенесли его из центра за город, на кладбище, добраться куда теперь сможет далеко не каждый... Коротка и неблагодарна бывает людская память...

Кроме фотографий, списка, и этой газеты от встреч с однополчанами у отца остался ещё знак «Ветерану 3-й Ударной армии» с удостоверением, подписанным генерал-лейтенантами Г. Семёновым и А. Литвиновым.

Жив ли кто-нибудь из однополчан отца? Я этого не знаю... Если и живы, то единицы...

ОТЦОВСКИЕ ПИСЬМА

Их совсем немного, этих недлинных писем, которые отец писал мне, студенту факультета журналистики КазГУ, в 1972–1977 годах... Семь писем и одна приписка, сделанная его рукой на письме матери... Округлый, разборчивый почерк, с едва заметным наклоном влево, как правило, короткие, почти без знаков препинания, предложения... И адрес на конверте: Алма-Ата, Глав почт штапт (так он всегда именовал Главпочтамт. – Ю. П.). До востребования...

Писал мне отец о доме, хозяйственных заботах, делах в совхозе, откликался на какие-то мои новости... В университет я поступил в 1972 году. В своём первом письме, 20 сентября 1972 года, отец пишет: *«У нас всё – по старому. К зиме подготовились полностью. Солому подвезли, зерноотходов тоже. Ну, а дрова ты сам заготовливал.*

Тебя, наверное, интересует, как идут дела в совхозе и районе. Одним словом – неплохо. Погода у нас начала портиться. На уборке хлеба работы осталось на 4-5 дней и закончим полностью».

До поступления в КазГУ я два года отработал в Железинской районной газете и знал, конечно, какой хороший в том году зреет урожай, оказавшийся, кстати, лучшим с начала освоения целины.

Ещё одно письмо из 1972 года:

«Сегодня 22 декабря. Посылаем тебе посылку, небольшую, килограммов на 6-6,5 солёного сала, рулета и домашней колбасы. Мать говорит, что колбаса неважная, что, пожалуй, есть не будешь. А я сказал, что будешь. (Последнее слово подчёркнуто волнистой линией – видимо, ввиду особой значимости. – Ю. П.).

Если съешь сам, то ешь. А если считаешь, что многовато, то свежи в гостинец Саше и Вере Толстым (друзья родителей, жившие под Алма-Атой, в посёлке Талгар. – Ю. П.). Одним словом, тебе видней.

У нас дома всё в порядке. Приезжал в гости Чурсин Николай с женой и сыном (это единственный брат матери. – Ю. П.). Гостили неделю, вчера уехали.

3-й день стоят морозы 30-35 градусов.

Привет твоим хлопцам».

Никого из «моих хлопцев» отец не знал, но приветы им передавал в каждом письме. А с той посылкой вышла такая история. Когда родители её отправляли, я уже лежал в инфекционной больнице с желтухой, которую подхватил той осенью на уборке табака (это были обязательные в ту пору для студентов сельхозработы). «Мои хлопцы» – парни и девчонки, с которыми я жил в студенческой общаге, получили её и слопали, в чём, кстати, признались много лет спустя. И

правильно сделали, что слопали: мне с моей желтухой и сало, и домашняя свиная колбаса, и рулет из той же свинины были уже категорически противопоказаны...

Письмо из 1973 года:

«Здравствуй, сын! Пишешь, что трудноато с газетой. Ничего, это тебе на пользу. Я лично в тебе уверен, вытянешь. (Я писал отцу, что зашиваюсь, учась и одновременно работая в университетской многотиражке. – Ю. П.)»

У нас стоит очень тёплая погода. Скотину давно пасём. Я ещё не помню за свою жизнь, чтобы была такая тёплая весна.

Спишитесь с Шуркой (мой старший брат, журналист, работавший тогда в Шушенской районной газете Красноярского края. – Ю. П.) и постарайтесь летом приехать домой в одно время. Наташа (наша младшая сестра. – Ю. П.) учится в Павлодаре. 8 часов утра. 18 апреля 1973 года. Только что приехал на своём старичке с работы». («Старичок» – отцовский мотоцикл «ИЖ-Планета», без коляски, на работу же весной, летом и осенью отец ездил к шести утра. – Ю. П.)»

А это отцовская приписка к письму матери, год, наверное, 1974 или 1975, месяц – май:

«Приехали с Петей с работы (мой младший брат, тогда школьник, а теперь кандидат филологических наук. – Ю. П.). Он помогал мне выкручивать электролампочки на ферме. Скот весь выгнали в поле и теперь электросвет в базах не нужен. (Отец опять работал электриком в совхозе. – Ю. П.)»

Попраздновали хорошо, но у меня была небольшая приключения (именно так написано. – Ю. П.). Я около бабки Амалии упал в грязь. (Надо полагать, праздновали первое мая. – Ю. П.). А так всё хорошо.

Послезавтра буду праздновать День Победы. Сейчас с Петей будем надевать ордена. (Обязанностью брата было начищать к празднику отцовские медали и орден Славы. – Ю. П.). Если позволит здоровье, и ты там долбани за меня...»

Наказ отца я, само собой, выполнил, причём, не дожидаясь письма...

С просьбами отец обращался ко мне редко:

«Если сможешь, купи мне очки на 2,25 или на 2,5. Футляр не надо, у меня есть. Бери подешевле, потому что они ненадолго. Со временем я поеду в большой город и куплю сам по своим глазам. (Отец был ещё тот «экономист», но эта тема для отдельного разговора. – Ю. П.)»

Я в отпуске, ехать никуда не собираюсь, потому что в апреле будущего года поеду в Кенигсберг (Калининград отец упорно именовал Кенигсбергом. – Ю. П.) на встречу с однополчанами.

8 часов вечера 28 октября.

Пишу открытки фронтовикам, уже 9 написал и одну Шурке...»

У меня случилась личная драма, в общих чертах написал о ней отцу. Он отвечает:

«Мне кажется и хочу верить, это тебя не выбьет из колеи.

Кончай университет – как начал. Вот пока твоя задача № 1.

Живу по-прежнему. Готовлюсь к зиме. Докапываю картошку.

Жму крепко-крепко руку.

Высылаю письмо от Шурки с его адресом. (Это мой брат – слушатель Хабаровской высшей партийной школы. – Ю. П.)»

Привет твоим хлопцам.

Сейчас 6 часов утра. 22.IX. 1976 г.»

И последнее письмо:

«Ты решил жениться. Это дело серьёзное и, конечно, жизненно нужное. Да и пора уже. Только вот одно, чтобы это было один раз в жизни. Чтобы вам пожилось.»

Думаю сделать так. На встречу к своим фронтовикам не поеду, а к тебе на свадьбу поеду. Как положено отцу, это дело отцовское.

А мои фронтовики меня простят. Но, возможно, моё присутствие необязательно. Тогда напиши.

6 часов утра. 23 марта 1977 года».

Свадьба у нас была скромная, студенческая, и я написал родителям, чтобы они не приезжали. А молодую жену я им сам привёз на погляд вскоре после свадьбы, и отец, кстати, потом выделял её из всех снох; бывая у нас, ходил по её поручениям в магазин за продуктами и даже с двумя маленькими внуками оставался, что было ему совсем не свойственно...

Хранятся у меня и письма отца особого свойства. Как-то в пору студенчества я заказал Пушкинской библиотеке, где частенько занимался, Железинскую районную газету целинной поры. И мне выдали подшивку, хоть и неполную. Я стал жадно искать материалы о нашем «Михайловском», что-то нашёл и загорелся идеей сделать большой материал о том, как он рождался. Но старых публикаций было совсем немного, и я написал отцу – с просьбой прислать мне воспоминания о том времени – его собственные и других совхозных целинников... Не знал, как он отнесётся к этой просьбе, переживал и был счастлив, получив сразу два толстенных конверта от него. Материал написал, и он был напечатан в трёх номерах «Ленинского знамени», а позднее, в укороченном виде, и в «Звезде Прииртышья».

* * *

Что остаётся сказать в заключение? Наверное, то, что мне и сегодня не хватает отца, хотя и сам я уже разменял седьмой десяток... Что он мог бы жить и жить – с его могучим сибирским здоровьем, если бы берёг его. Но он жил – как жил, как получалось. И не мне его судить.

После его смерти столько всего произошло, что вряд ли бы ему понравилось и только добавило бы душевных мук... Но что теперь говорить об этом... У меня есть теперь новые и такие дорогие свидетельства его фронтовой биографии. Мне есть что оставить на память об отце трём моим сыновьям – его внукам, а теперь уже и правнукам. И это согревает мою душу.

г. Павлодар

